

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

С.П. ГЛИНКИНА

Экономический патриотизм: понятие, предпосылки появления в Центральной и Восточной Европе (практика Венгрии)

В статье рассматривается набиравшая силу в годы мирового финансово-экономического кризиса и продолжившая свое развитие после него дискуссионная тенденция, связанная с усилившейся ролью государства в функционировании хозяйственной системы. Исследуются теоретические основы “экономического патриотизма”, предпосылки формирования этого явления в постсоциалистических странах Центрально-Восточной Европы, результативность использования его инструментария на примере новой экономической политики Венгрии.

Ключевые слова: экономический патриотизм, государственный интервенционизм, парадокс неолиберальной демократии, трансформационные реформы, Европейский союз, новая экономическая политика Венгрии.

DOI: 10.31857/S086904990002751-8

Задолго до мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. стало очевидно, что в условиях нарастающей глобализации руководства государств теряют контроль над многими экономическими процессами и оказываются в довольно непростой ситуации: с одной стороны, они связаны нормами международного экономического права, всемерно стимулировавшими в последние 30 с лишним лет либерализацию экономических взаимодействий; с другой – остаются ответственными перед своим электоратом за решение социально-экономических проблем развития в условиях, когда их возможности принимать независимые экономические решения существенно ограничены [Goff 2005].

Ситуация, в которой государство должно отвечать требованиям граждан, обладая при этом все меньшим контролем над экономикой, была названа К. Кроучем парадоксом неолиберальной демократии [Crouch 2008]. Какими же должны быть действия со стороны государства, чтобы защитить национальную экономику в условиях глобального рынка и обеспечить интересы населения, понимаемые в широком смысле, то есть не сводящиеся исключительно к потреблению по максимально низким ценам?

Г л и н к и н а Светлана Павловна – доктор экономических наук, профессор, руководитель Научного направления “Международные экономические и политические исследования” Института экономики РАН, руководитель кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: Москва 117418, Нахимовский проспект, д. 32. E-mail: 319@transecon.ru

К вопросу о понятии “экономический патриотизм”

Одним из ответов на парадокс неолиберальной демократии стала нарастающая в ряде стран практика экономического патриотизма, то есть политика, в основе которой лежат меры содействия определенным социальным группам, фирмам или секторам экономики по принципу территориальной принадлежности (“дискриминация в пользу инсайдеров”) [Clift, Woll 2012]. (Оговорюсь: речь ни в коей мере не идет о дискриминации по национальному принципу.)

Термин “экономический патриотизм” впервые был введен в оборот премьер-министром Франции Д. де Вильпенем (2005–2007), который так назвал защиту прав отечественных производителей в условиях открытой экономики. Таким образом, экономический патриотизм – это ответные меры государств на усиление взаимной интеграции рынков вследствие нарастающей экономической либерализации после исчезновения Бреттон-Вудской системы, заката коммунизма на рубеже 1980–1990-х гг., углубившейся и расширившейся по числу участников европейской интеграции. Набирать силу политика экономического патриотизма начала в условиях, когда:

- национальные экономики стали в значительной степени регулироваться институтами глобального управления – поборниками максимальной либерализации экономических взаимодействий, а также наднациональными органами региональных интеграционных группировок, иерархиями транснациональных корпораций [Глинкина 2017];
- национальные границы по преимуществу открылись для потоков капитала, товаров и услуг, нередко – рабочей силы;
- государства исключили из своих практик механизмы, которые в прошлом использовались для борьбы с возможными негативными последствиями открытых границ;
- государства руководствуются демократическими принципами и посему не могут не обращать внимание на требования и чаяния населения.

В таких условия для национальных элит политика экономического патриотизма становится необходимым элементом балансирования между игрой по международным правилам с частичной (для некоторых стран почти полной) утратой контроля над экономикой, с одной стороны, а с другой – проведением государственных интервенций теми методами, которые позволяют защищать национальное производство, особые черты и традиции местных сообществ [Goff 2005]. Поскольку экономический патриотизм – это дискриминация в пользу инсайдеров, можно выделить две группы его инструментов: направленные на содействие “своим” (территориальным инсайдерам) или противодействующие “чужим” (территориальным аутсайдерам).

Существует ошибочное мнение, согласно которому реализующие политику экономического патриотизма элиты, пытаясь восстановить свой контроль над экономическими процессами, используют исключительно консервативные (протекционистские) меры. На самом деле применяемые инструменты могут быть как консервативными, так и либеральными. Под либеральным патриотизмом следует понимать некие инновационные либеральные действия в поддержку тех или иных акторов внутри страны или за рубежом. К ним можно, например, отнести выборочную либерализацию отдельных конкурентоспособных отраслей экономики с перспективой их дальнейшего вывода на международный уровень; меры создания компаний и городов-чемпионов. Либеральный патриотизм не отрицает возможности и необходимости проведения государственных интервенций, широко используемых в практике многих стран, независимо от уровня их экономического развития [Клинова 2008]. Под консервативным патриотизмом понимаются меры, содействующие удержанию национальными игроками позиций на рынке в условиях жесткой международной конкурентной борьбы. Этому служат инструменты классического протекционизма либо скрытые методы создания преимуществ для отечественных игроков на рынке (поддержка национальных производителей, выработка государственных стандартов, государственные субсидии предприятиям и т.п.). Элиты, прибегающие к мерам экономического патриотизма в современных условиях, как правило, не стремятся действовать вопреки законам открытого рынка, оставаясь в рамках установленных международных правил.

Шоки, вызванные кризисом 2008–2009 гг., потребовали для своего решения методов, не свойственных господствовавшему в мировой экономике неолиберальному подходу. В результате, как свидетельствует статистика, с ноября 2008 г. по март 2018 г. в мире было зафиксировано более десяти тысяч случаев государственного интервенционизма той или иной направленности (http://www.globaltradealert.org/global_dynamics/flow_all).

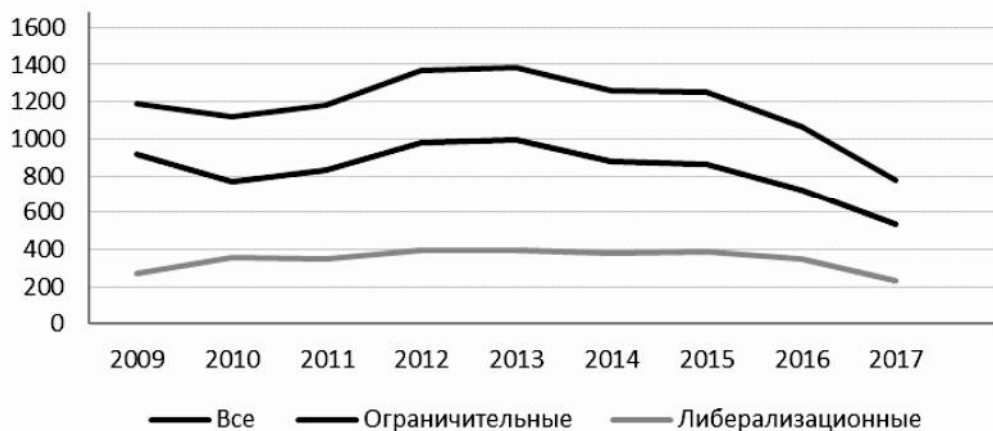

Рис. 1. Количество ежегодно фиксируемых государственных интервенций 2009–2017 гг. (http://www.globaltradealert.org/global_dynamics/flow_all).

Как видно на рисунке 1, подавляющее число мер государственного интервенционизма в исследуемый период носило ограничительный характер. Наиболее активно к ним прибегали США, Россия, Индия, Аргентина и Бразилия (см. рис. 2).

Рис. 2. Количество ежегодно фиксируемых государственных интервенций по странам (2009–2017 г.) (http://www.globaltradealert.org/global_dynamics/flow_all).

Поскольку современное международное право направлено на борьбу с дискриминацией в экономических взаимодействиях, логично предположить, что меры экономического патриотизма нацелены скорее на поддержку инсайдеров, чем на противодействие аутсайдерам, хотя, бесспорно, явные и скрытые меры ограничения иностранного капитала также присутствуют в нынешней мировой практике. Необходимо отметить, что методы “либерального противодействия” и “протекционистского содействия” не всегда легко отнести к дискриминационным либо противозаконным практикам. Нередко речь идет о так называемом “скрытом протекционизме” [The Politics of Regulation... 2004; Vo-

gel 1995]. Так, лишь в результате долгих дискуссий некоторые частные случаи содействия субъектам-инсайдерам (например, лицензирование уровня квалификации рабочей силы) были отнесены коммунитарным правом ЕС к протекционистским мерам. Вопрос же о том, является ли протекционизмом ограничительная политика ЕС в отношении производителей-экспортеров, использующих на производстве детский труд, все еще остается открытым.

В основе экономического патриотизма как подхода к рассмотрению экономических взаимосвязей лежит дихотомия “рынок-государство”. Вместе с тем для понимания сегодняшних принципов и методов управления экономикой рассмотрение последней в категориях открытых/закрытых рынков или либерализации/протекционизма явно недостаточно [Economic Nationalism... 2005]. Очевидно, что экономические действия больше не могут рассматриваться как чисто национальные. Большинство из них тесно связаны с международным уровнем взаимодействия, причем подавляющая часть регулятивных мер наднациональны. В силу этого и либеральные, и консервативные инструменты экономического патриотизма могут реализовываться на разных уровнях экономического взаимодействия – национальном, региональном, наднациональном.

Объективные предпосылки появления экономического патриотизма в Центрально-Восточной Европе

Предпосылки разворачивания практики экономического патриотизма в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) стали складываться еще в ходе трансформационных реформ, стартовавших здесь на рубеже 1980–1990-х гг. К ним подтолкнула, по свидетельству венгерского экономиста Я. Корнаи, одного из наиболее ярких критиков плановой системы хозяйствования в 1980-е гг., деятельность базирующихся в Вашингтоне международных финансовых организаций, постепенно продолженная Европейским союзом. “В соответствии с этой практикой предоставление займов и грантов, развитие отношений, гарантирование различных дополнительных прав во все большей мере связывались с выполнением определенных предварительных условий. Верно, что формулировка этих условий, как правило, отвечала долгосрочным интересам соответствующих стран. Тем не менее многие изменения были навязаны этим странам с помощью внешнего давления или, по меньшей мере, это давление ускоряло реализацию изменений” [Корнаи 2006, с. 27].

Стратегия трансформации общественно-экономической системы в странах ЦВЕ реализовывалась в полном соответствии с требованиями ЕС к странам – кандидатам на членство в этой интеграционной группировке, каковыми они стали в первой половине 1990-х гг. В качестве условия их включения в свой состав ЕС выдвинул требование приведения политических, экономических и правовых систем стран ЦВЕ в соответствие с нормами и правилами ЕС. Подготовка к членству протекала под строгим контролем органов ЕС, которые разрабатывали программы, регламентировавшие содержание и сроки конкретных реформ в странах ЦВЕ, оказывали финансовую поддержку их проведения и осуществляли жесткий контроль над процессом реформирования с применением мер принуждения.

Переговоры о членстве велись отдельно по каждому из трех с лишним десятков разделов правовых норм ЕС (*acquis*) – от свободного передвижения товаров, предоставления услуг (включая финансовые), движения капитала и передвижения людей до защиты окружающей среды, ветеринарных и фитосанитарных норм, региональной политики, а также политики внешних связей, общей внешней политики и политики безопасности [Куликова, Сеницина 2015]. Содержание переговорных разделов не подлежало обсуждению, интеграционное ядро диктовало свои правила и требовало их неукоснительного соблюдения. В отдельных случаях вступающим странам были предоставлены временные отсрочки по применению наиболее проблемных для них норм ЕС. В итоге трансформационный переход был осуществлен странами ЦВЕ путем переноса на национальную почву в полном объеме экономических и политических институтов, существующих

в ЕС [Глинкина, Куликова 2015]. Страны передали наднациональным органам значительную часть своих суверенных прав, согласились на принцип “европейской солидарности” в сфере международных отношений, открыли национальные границы иностранному капиталу, и, как следствие, неокрепший к моменту вступления стран ЦВЕ в ЕС национальный сектор экономики оказался не в состоянии противостоять его натиску. Он захватил экономические высоты в странах – новых членах ЕС. Таким образом, основной чертой капитализма, сложившегося в странах ЦВЕ, стала фундаментальная зависимость их экономического развития от решений транснациональных корпораций (ТНК) об инвестициях в экономику этих государств.

Все страны ЦВЕ, кроме Словении, уже в 1990-х гг. обогнали ЕС по объему притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) относительно ВВП [Глинкина, Куликова, Синицина 2014]. Объем накопленных ПИИ в новых членах ЕС в 2016 г. достиг, по данным ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), 608,9 млрд долларов США, что в пересчете на душу населения в два раза больше, чем в среднем по миру¹. Предприятия под иностранным контролем обеспечивали в них, по данным Евростата, в среднем более одной пятой занятости и создавали свыше трети валовой добавленной стоимости в нефинансовом частном секторе. Из-за отсутствия у правительств стран ЦВЕ возможности проводить селективную политику в отношении прямых иностранных инвестиций, противоречащую правилам ЕС, подавляющая часть ПИИ в странах ЦВЕ пришлась не на совместные предприятия, а на филиалы ТНК, которые контролировались и финансировались из их штаб-квартир².

Курс стран ЦВЕ на евроинтеграцию и открытие рынков западным капиталам полностью отвечал геостратегическим целям ЕС. Кандидаты же в члены ЕС связывали с его реализацией надежды на модернизацию экономики, ускорение экономического роста и, в конечном счете, ликвидацию отставания от Западной Европы по уровню благосостояния и качеству жизни. Надежды на решение этих задач предопределили готовность стран ЦВЕ на утрату части своего экономического суверенитета в пользу наднациональных органов ЕС, более сильных государств ядра европейской интеграции, иерархий ТНК.

Подпитываемые крупномасштабным притоком ПИИ, получив доступ к средствам структурных фондов ЕС, имея гарантированный спрос на продукцию экспортных секторов экономики, созданных, в основном, западноевропейскими ТНК, а также в результате кредитной экспансии западноевропейских банков, страны ЦВЕ с начала 2000-х гг. и вплоть до кризиса 2008–2009 гг. демонстрировали одни из самых высоких темпов экономического роста в мире. Возникший по итогам трансформационных реформ тип капитализма в странах ЦВЕ обеспечивал им специфические сравнительные преимущества, базировавшиеся не на радикальных технологических инновациях, характерных для стран либерального рыночного капитализма, и не на постоянных и постепенных инновациях в организации труда и совершенствовании средств производства, свойственных координируемой рыночной экономике [Глинкина 2017]. Они были следствием комбинации низких затрат на труд и достаточно высоких профессиональных навыков рабочей силы. Специфические преимущества стран ЦВЕ сделали их привлекательными для разворачивания ТНК на их территории производств со средним уровнем технологий, встроженных в международные цепочки добавленной стоимости.

На этой основе повысился средний технологический уровень производства стран ЦВЕ, выросла доля добавленной стоимости в валовом выпуске товаров и услуг, от половины до трех четвертей прироста регионального валового продукта обеспечивалось за счет повышения общей факторной производительности, прежде всего – производи-

¹ Мои расчеты на основе данных UNCTADstat (<http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx>)

² Иностранные банки, главным образом западноевропейские, контролируют около 80% всех банковских активов в регионе, а в Словакии, Чехии и Эстонии — от 90% до почти 100%. Единственной страной, сохранившей основную часть (около 70%) активов банковской системы в собственности национального частного и государственного капитала, оказалась Словения [Глинкина, Куликова, Синицина 2014].

тельности труда [Куликова 2014^b]. Уровень безработицы, резко возросший в ходе трансформационных реформ 1990-х гг., снизился (в том числе и за счет оттока рабочей силы за рубеж в поисках более высоких заработков). Впечатляющий рост показал товарный экспорт: в его структуре уменьшилась доля традиционных трудоемких изделий (одежды, мебели и пр.) и возросла доля капиталоемкой машиностроительной продукции, а в некоторых странах (в Венгрии, Чехии, Эстонии) и доля высокотехнологичных товаров.

Однако довольно скоро проявились и негативные стороны модели развития, базирующейся на крупномасштабном притоке иностранных инвестиций. Среди них: зависимость экономического роста от доброй воли ограниченного числа ТНК, от внешних заимствований; рост дефицитов государственных бюджетов в результате предоставления иностранным компаниям серьезных налоговых послаблений, возможностей ТНК по оптимизации налоговых выплат; рост совокупного государственного долга; вывоз ТНК прибылей и пр. Пользуясь монополистическими преимуществами и правительственными льготами, ТНК практически полностью вытеснили отечественных производителей из некоторых сегментов экономики [Куликова 2014^a].

Что касается собственных предприятий стран ЦВЕ, то лишь немногие из них смогли выйти со своей продукцией на западноевропейские рынки [Россия и Центрально-Восточная... 2016]. Примеры эстонской *Skype*, венгерских *Graphisoft* и *Prezi* – исключения, подтверждающее правило: эти ныне хорошо известные в мире компании работали в довольно узком сегменте рынка и были проданы крупным ТНК, когда дальнейшее расширение их бизнеса потребовало серьезных инвестиций. В сложившейся в странах ЦВЕ модели хозяйствования экспортом движет прежде всего добавленная стоимость, поступающая из-за границы, а не созданная в странах: на иностранную составляющую приходится от трети до более чем половины стоимости экспорта стран ЦВЕ [Rahman, Zhao 2013].

ТНК сосредоточили основную часть экспортных мощностей в узком круге отраслей (транспортное и общее машиностроение, производство электротехнического, электронного и оптического оборудования [Модернизация... 2012]) и перенаправили подавляющую часть экспорта на рынок Евросоюза, сделав экономику стран ЦВЕ глубоко зависимой от колебаний его конъюнктуры. Они попали в “ловушку технологического иждивенчества” [Глинкина, Куликова 2017, с. 92], поскольку ТНК перенесли на их территорию относительно простые, не содержащие ноу-хау стадии производственных циклов. Диффузии технологий даже среднего уровня за пределы филиалов ТНК не происходит из-за почти полного отсутствия кооперации между ТНК и местными производителями. В результате такого сценария развития в странах ЦВЕ возник феномен так называемого дуализма экономики, когда произошел ее распад на две практически не связанные между собой части: низкодходную, слабоконкурентоспособную “национальную” и более эффективную, экспортоориентированную “иностранную” [Глинкина 2017, с. 16].

Расчет на чужие технологии отвлек внимание стран ЦВЕ от развития собственной научно-технической базы. По данным Евростата, объем расходов на НИОКР относительно ВВП в этих государствах значительно меньше, нежели в странах ядра ЕС; существенно меньше и доля занятых в этой сфере, несмотря на высокий уровень образования (http://ec.europa.eu/competition/eojade/isef/case_details.cfm?proc_code=3_N691_2009). Описанное положение дел в регионе консервирует, а в долгосрочной перспективе может даже увеличить технологическое отставание (что значит – отставание в экономическом росте) от стран, активно развивающих науку и создающих инновации [Куликова 2014].

Таким образом, в случае стран ЦВЕ предпосылки будущего экономического патриотизма обозначились еще на этапе экономической трансформации. Среди них прежде всего следует указать на утрату ими значительной части своего суверенитета в сфере экономики, управление которой, как на предвступительном этапе, так и в годы членства в ЕС осуществляется международными финансовыми организациями, наднациональны-

ми институтами ЕС, иерархиями ТНК. Государства – новые члены ЕС оказались практически лишены механизмов, которые в прошлом использовались ими для защиты от негативных последствий открытых границ. При нарастающем разочаровании части населения в результатах трансформации³ парадокс неолиберальной демократии проявился в полной мере.

Экономический патриотизм в современной Венгрии

Первопроходцем в продвижении политики экономического патриотизма в регионе ЦВЕ стала Венгрия – страна-лидер по приему иностранных инвестиций на этапе трансформации, сумевшая еще к концу 1980-х гг. создать практически все необходимые атрибуты рыночной экономики и надевшаяся на быстрый и успешный трансформационный переход. К началу мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. доля предприятий с участием иностранного капитала в Венгрии превысила 50%. Кризис негативно отразился на притоке прямых иностранных инвестиций, который, достигнув пикового (50%) значения в процентах от ВВП в 2007 г., резко сократился к 2010 г. По данным Всемирного банка, вызванный нестабильностью отток капитала из страны в 2008–2010 гг. составил около 21 млрд долларов США, или почти 16% ВВП за эти годы. Снижение темпов притока ПИИ в страну не могло не сказаться на динамике ВВП: его спад в 2009 г. составил 6,6%, рецессия продлилась более трех лет.

Таким образом, появлению политики экономического патриотизма в Венгрии предшествовал глубокий экономический кризис. В Венгрии она ассоциируется, как правило, с именем занявшего в 2010 г. пост премьер-министра страны В. Орбана. Однако справедливости ради надо заметить, что еще до прихода к власти его правительства в стране предпринимались попытки противостояния иностранным компаниям и поглощения ими отечественного бизнеса. Так, в 2007 г. по инициативе премьер-министра Ф. Дьюрчяна был принят ряд законов, вносящих поправки в порядок голосования акционеров, а также открывающих компаниям возможности выкупа своих акций, что делало их менее уязвимыми к поглощениям со стороны иностранных корпораций. Поводом для введения таких мер послужили приход на рынок и дальнейшая агрессивная политика австрийской нефтегазовой компании *OMV*, которая тут же начала активное воздействие на своего прямого конкурента – венгерскую компанию *MOL* [Naczyk 2014]⁴.

Придя к власти, Орбан заявил, что бремя мирового кризиса в основном легло на плечи венгерских налогоплательщиков, теперь же будет справедливо, если больше тягот возьмут на себя те, кто смогли извлечь из страны сверхприбыли, то есть транснациональный капитал (www.mti.hu). Назвав новую политику экономическим патриотизмом, Орбан подтвердил, что безопасность национальной экономики немыслима без национального влияния (<https://www.ft.com/content/417e4558-4525-11e6-9b66-0712b3873ae1>). В результате одним из важнейших направлений его политики стали поддержка отечественных товаропроизводителей, ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики и увеличение финансового бремени для филиалов ТНК [Волотов, Волотов 2015], что противоречило духу и (нередко) букве европейских законов. Правительство исходило из того, что национальная независимость в мирное время базируется на независимости в области энергетики, финансов и торговли, где присутствие иностранного капитала было особенно заметным (см. табл. 1).

³ В 2010 г. Европейский банк реконструкции и развития привел данные, согласно которым лишь треть населения стран ЦВЕ поддерживали трансформационные реформы. В благополучной Чехии 67% взрослого населения “ностальгировали по прошлому” [Постсоциалистический... 2007, с. 257].

⁴ Орбан активно использовал эти меры в борьбе против слияний и поглощений национальных компаний иностранным капиталом. Обращаясь к этой практике, государству удалось выкупить существенную долю акций в той же *MOL* и в автомобильном холдинге *Rába*.

Доля предприятий, находящихся в иностранной собственности, в продажах, занятости и валовых инвестициях в отдельных отраслях экономики Венгрии (в %)

Годы	2008	2012
Продажи		
Промышленное производство	64,9	69,0
Энергоснабжение	74,4	67,5
Торговля	44,6	45,4
Информационные коммуникации	62,7	67,7
Нефинансовый сектор	50,1	53,3
Финансовый сектор	53,8	70,1
Занятость		
Промышленное производство	44,0	47,7
Энергоснабжение	51,5	51,9
Торговля	21,5	24,0
Информационные коммуникации	29,8	37,0
Нефинансовый сектор	23,8	26,1
Финансовый сектор	46,9	45,1
Валовые инвестиции		
Промышленное производство	67,8	78,3
Энергоснабжение	61,6	65,0
Торговля	49,4	41,3
Информационные коммуникации	74,2	79,0
Нефинансовый сектор	49,6	55,3
Финансовый сектор	—	—

Источник: Central Statistical Office

В результате в энергетике, в сфере телекоммуникаций и крупной розничной торговле в 2010 г. был введен особый “антикризисный” налог, который взимался не с прибыли, а с годового оборота организации, что позволяло блокировать активную деятельность предприятий по занижению налогооблагаемой базы. Под “патриотический огонь” попали банки, 80% активов которых принадлежало иностранцам. Венгерским руководством было заявлено, что банковское дело должно быть национальным, поскольку не может быть и речи о независимости страны без национальной денежно-кредитной системы (Nepszabadsag, 3 декабря 2014 г.). В 2012 г. председатель правительства Орбан поставил задачу повысить долю отечественного капитала в банковском секторе до 50%, то есть более чем в 2,5 раза (Nepszabadsag, 17 июля 2012 г.). Многие иностранные банки вынуждены были уйти с рынка, не выдержав бремени инициированной правительством новой налоговой программы, в рамках которой был повышен так называемый банковский налог до уровня в 5–10 раз выше, чем в других странах ЕС. Часть иностранных банков была выкуплена государством и отечественными банками. Так, в 2014 г. государство приобрело в собственность немецкий банк *МКВ*, а Венгерская Почта – *FNB* банк [Постсоциалистический... 2017]. После того, как правительство в конце 2014 г. выкупило банк “Будапешт” у американской финансово-промышленной группы GE, была достигнута 60-процентная доля отечественного капитала в банковских активах страны [Szanyi 2016].

Помимо увеличения размера банковского налога, на финансово-кредитные учреждения легла ответственность за восстановление системы ипотечного кредитования в стране, которая практически рухнула в ходе мирового кризиса, поскольку подавляющее большинство граждан в предкризисный период брали ипотечные кредиты в иностранной валюте в

филиалах иностранных банков и оказались не способными обслуживать их из-за резкого изменения курса валюты. Правительство обязало банки конвертировать должникам непогашенную часть кредита в форинты по фиксированному льготному курсу, действовавшему до кризиса [Szanyi 2016]. Такое стимулирование системы ипотечного кредитования, предусмотренное “Планом мероприятий по защите домашнего очага”, принятого 12 сентября 2011 г., можно рассматривать как акт государственного интервенционизма в рамках политики экономического патриотизма [Постсоциалистический... 2017].

При установлении дополнительных налогов в сфере розничной торговли, в энергетическом и телекоммуникационном секторах поддержка отечественного бизнеса осуществлялась путем введения селективных нормативов отбора компаний, подпадающих под дополнительное налогообложение. К таковым относились только фирмы с высоким годовым оборотом, а они в подавляющем большинстве были иностранными.

Орбан поставил также задачу перевода на некоммерческую основу жилищно-коммунального хозяйства – сферу широкого присутствия иностранного капитала. В 2010 г. его правительство запретило рост тарифов на коммунальные услуги населению, установило ведомственные тарифы, которые неоднократно централизованно снижались. Прибыли многих предприятий ЖКХ стали снижаться, их владельцам было предложено продать убыточные активы центральным или местным органам власти. При этом, правда, многие иностранные компании получили щедрые компенсации (характерный пример – немецкая фирма *RWE*).

Практически начался процесс деприватизации и национализации социально и экономически значимых отраслей народного хозяйства. Летом 2012 г., когда макроэкономические показатели развития венгерской экономики ухудшились (ВВП стагнировал, многие крупные фирмы отложили инвестиции на неопределенное время), государство пошло на подписание стратегических соглашений с крупнейшими компаниями трех отраслей – электроники, автомобилестроения и фармацевтики (в дальнейшем отраслевой разрез предприятий расширился). Типовые соглашения предусматривали сотрудничество государства и бизнеса в создании дополнительных рабочих мест, проведении совместных НИОКР, в расширении сети местных поставщиков, в подготовке кадров. Бизнесу был обещан особый режим сотрудничества, дополнительные каналы лоббирования интересов предпринимательских структур в обмен на активное участие в решении перечисленных задач. К концу марта 2018 г. было заключено 76 соглашений между правительством и крупнейшим бизнесом; 67 из них были подписаны с иностранными фирмами, на которые приходится более 25% занятых в производственном секторе и почти 50% выпуска экспортной продукции [Szanyi 2016; Stratégiai... 2018].

При отборе иностранных компаний для подписания соглашения выдвигался ряд требований: не менее пяти лет работы на венгерском рынке, значительный вклад в производство, экспорт, не менее 1000 занятых на предприятии, более 5 млрд форинтов осуществленных инвестиций. В результате государству удалось поставить под контроль определенную часть производственного потенциала венгерской экономики. Однако решение этой задачи, характерной для политики экономического патриотизма, сопровождалось, по оценкам ряда венгерских специалистов, расширением практики использования “неформальных каналов” взаимодействия правительства и бизнеса, усилением субъективизма при принятии важных для частных компаний государственных решений, ростом коррупции.

Новая политика Орбана в целом может быть классифицирована как консервативный экономический патриотизм, предусматривающий субсидирование промышленности и поддержку неконкурентных, но национально и социально значимых производств, использование лицензирования в торговой политике и пр. Только в 2010 г. Венгрией было применено около 30 ограничительных мер, в то время как во всем регионе ЦВЕ только 53 (http://www.globaltradealert.org/global_dynamics/flow_all).

Политика экономического патриотизма в Венгрии формировалась при активном участии политических элит, ответственных перед своими избирателями, и национальных экономических игроков, потесненных иностранными инвесторами и получивших в результате реализованных правительством мер пространство для своего развития. Пара-

доксально, но факт, что в формулировании такой политики определенную роль играли и руководители ряда иностранных компаний, базировавшихся в Венгрии и опасавшихся, что “патриотические настроения”, охватившие руководителей стран их гражданства в годы мирового кризиса (в частности, требования многих лидеров вернуть на родину отечественные компании и их подразделения), негативно скажутся на их личной судьбе.

Действия нового правительства были вызваны не только изменениями мировой конъюнктуры, но и запросом населения, а значит – избирателей, на подобную политику. По данным исследований, в 2009 г. больше двух третей населения Венгрии полагали, что “страна служит интересам иностранных держав” [Постсоциалистический... 2017, с. 425].

Некоторые предварительные результаты

Чем же обернулась реализация политики экономического патриотизма в Венгрии для ее экономики и граждан? Многие аналитики предсказывали ее полный провал и наступление экономической катастрофы. Статистические данные такого прогноза не подтверждают. Действительно, приток ПИИ, а также объемы накопленных ПИИ сократились (см. табл. 2). Но такая динамика проявилась во всех странах ЦВЕ, независимо от проводимой внутренней экономической политики. Доля ПИИ в ЦВЕ в общем объеме мировых прямых иностранных инвестиций существенно сократилась – с 3,8 % в 2008 г. до 2,3% в 2016 г.⁵, что наглядно доказывает существование огромных рисков сохранения в регионе ЦВЕ модели развития, основанной на привлечении в страны иностранных инвестиций.

Таблица 2

Динамика накопленных иностранных инвестиций в странах ЦВЕ
(2010–2017 гг. млрд долларов)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ЦВЕ-11	641,4	608	697,2	747,7	681,7	614,3	608,9
Польша	187,6	164,4	198,9	229,1	211,4	182,5	185,9
Венгрия	90,8	85,3	104,0	108,5	99,3	84,4	77,7
Чехия	128,5	120,5	136,4	134,0	121,5	116,6	115,2
Словакия	50,3	51,9	55,1	58,0	49,7	43,6	41,6
Словения	10 6	11 4	12 2	12 2	12 3	12 5	12 7
Румыния	68,0	69,5	76,3	82,6	73,0	70,1	71,8
Болгария	44,9	45,6	48,6	50,3	47,0	42,9	42,1
Эстония	15,5	16,3	18,9	22,0	20,6	19,0	19,1
Латвия	10,9	12,1	13,5	15,9	14,9	14,7	14,2
Литва	13,4	14,2	15,9	17,5	15,4	14,6	13,7
Хорватия	31,5	28,2	29,6	29,8	28,9	25,9	27,6

Источник: (<http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>).

Важно отметить, что из всех секторов, выбранных в качестве целей новой экономической политики в Венгрии, накопленные ПИИ серьезно сократились только в секторе энергетики: с 4,2 млн евро в 2010 г. до 2,2 млрд евро в 2016 г. В финансовом секторе с 2010 по 2015 г. они выросли на 6 млрд евро, то есть более чем в два раза. При сокращении прямых иностранных инвестиций ускорилось восстановление уровня внутренних инвестиций в экономику страны. К 2017 г. он практически достиг докризисного 2007 г.

⁵ Мои расчеты по UNCTADstat.

Как видно из таблицы 3, начиная с 2013 г. темпы экономического роста в Венгрии были выше, чем средние по ЕС; ускорилась динамика прироста экспорта.

Таблица 3

Основные экономические показатели Венгрии (2010–2017 гг., в %)

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Прирост ВВП	0,7	1,7	–1,6	2,1	4,2	3,4	2,2	4
Прирост ПИИ	–9,7	–2,0	–0,6	1,9	2,1	0,4	–3,3	1,2
Внутренние инвестиции (% к ВВП)	18,0	17,2	19,4	20,9	21,8	21,7	17,8	18,6
Прирост экспорта	8,18	2,82	–0,27	5,42	0,26	3,50	4,42	7,08
Прирост импорта	5,57	1,92	3,87	4,67	2,96	3,79	2,97	6,16
Занятость (% от населения)	54,9	55,4	56,7	58,1	61,8	63,9	66,5	68,2
Дефицит государственного бюджета	–4,3	3,5	–2,3	–2,6	–2,1	–1,6	–1,7	–2,6
Внешний государственный долг (% к ВВП)	141,7	140,6	128,9	118,2	114,9	107,5	96,1	88,2
Дефицит торгового баланса (% к ВВП)	1,1	1,9	1,8	3,8	2,1	3,4	4,9	3,6

Источники: IMF, UNCTADstat, World Bank, UN Comtrade.

Особенно впечатляет динамика численности занятых в экономике. В 2010 г. она находилась на уровне 3 млн 750 тыс. человек, достигнув к 2017 г. 4 млн 400 тыс., то есть более 68% граждан трудоспособного возраста. При этом уровень доходов достиг предкризисного уровня.

Как складывалась ситуация в банковском секторе, который, как показано выше, был важной мишенью политики экономического патриотизма? В 2011–2012 гг. впервые после смены общественно-экономического строя банковская система страны стала убыточной. В 2013 г. ситуация несколько улучшилась, но из восьми крупнейших банков, на которые приходилось почти две трети общей суммы балансов, каждый второй по-прежнему закрыл год с убытками [Постсоциалистический... 2017]. Начиная с 2014 г. стресс-тестирования банковской системы, проводимые Венгерским Национальным банком, демонстрируют позитивные изменения развития, в частности рост среднего показателя нормативов достаточности капитала (*Capital Adequacy Ratio*), который в 2013 г. составлял 16,9%, а в 2016 г. вырос до 21,5%, что позволяет говорить о нарастающей независимости Венгрии от возможных финансовых катаклизмов. Коэффициенты *ROA* и *ROE*⁶, отрицательные вплоть до 2015 г., в 2016 г. достигли предкризисных значений притом, что процентная ставка по потребительским кредитам с 2010 г. упала примерно на 13 процентных пунктов – до 7% (<https://www.mnb.hu/letoltes/stabilitasi-jelentes-2017-november-eng>. PDF). Несмотря на отмеченные положительные моменты, следует констатировать, что банковская система все еще остается уязвимой к шокам ликвидности.

⁶ *ROA* (return on assets, рентабельность активов) – отражает эффективность использования активов компании для генерации выручки. Рассчитывается как отношение чистой прибыли к средней стоимости активов, помноженное на 100 %. *ROE* (return on equity) – показатель рентабельности собственного капитала компании, который демонстрирует отношение чистой прибыли к собственному капиталу компании.

Таким образом, новая экономическая политика в Венгрии оказалась довольно эффективной посткризисной программой. Венгерскому государству удалось восстановить определенный контроль над внутренним рынком, усилить свое влияние в финансовом секторе и ряде социально значимых отраслей экономики. При этом государственный интервенционизм не оказал фиксируемого статистикой отрицательного влияния на такие макроэкономические показатели, как рост ВВП, приток прямых иностранных инвестиций, динамика экспорта, а также занятости и заработной платы. По всем перечисленным показателям Венгрии удалось достичь докризисных отметок. Это свидетельствует, что умелое использование инструментов экономического патриотизма, поддержанное населением, может быть полезным и довольно эффективным даже в небольших по размеру странах. Однако ряд вопросов остается открытым. Так, является ли политика экономического патриотизма временной, посткризисной мерой либо это стратегия на длительную перспективу? Хватит ли у венгерского руководства ресурсов (прежде всего, финансовых) на “приобретение большего экономического суверенитета”? Сможет ли венгерское государство противостоять разрастанию неформальных институтов, в частности коррупции, в условиях усиления субъективных факторов в руководстве экономическими процессами? [Szanyi 2016, p. 25]. Время покажет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волотов О.Г., Волотов С.О. (2015) Членство Венгрии в Евросоюзе: утраченные иллюзии // Россия и современный мир. № 4 (89). С. 128–133.
- Глинкина С.П. (2017) Постсоциалистические трансформации в свете дискуссий о многообразии моделей капитализма // Общественные науки и современность. № 2. С. 5–20.
- Глинкина С., Куликова Н. (2015) К вопросу об эффективности трансформации общественной системы в странах Центрально-Восточной Европы // Мир перемен. № 4. С. 9–24.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В. (2017) Какой капитализм развивается в странах Центрально-Восточной Европы // Новая и новейшая история. № 6. С. 79–94.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С. (2014) Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М.: ИЭ РАН.
- Клинова М.В. (2008) Новый “экономический патриотизм” в Европе: хорошо забытое старое? // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 32–41.
- Корнай Я. (2006) Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успехи и разочарования // Мир перемен. № 2. С. 7–45.
- Куликова Н.В. (2014^a) Роль прямых иностранных инвестиций в модернизации экономики стран ЦВЕ – членов ЕС // *Urbi et orbi* в 4 т. Т.3. Россия в глобальном мире (отв. ред. С.П. Глинкина). СПб.: Алетейя.
- Куликова Н.В. (2014^b) Социально-экономические эффекты интеграции стран ЦВЕ в Европейский союз // Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы / Под ред. А.И. Бажана. М.: Институт Европы РАН.
- Куликова Н., Сеницина И. (2015) Национальные и наднациональные компетенции в процессе расширения Европейского союза на восток // Опыт наднационального регулирования в региональных интеграционных группировках / Отв. ред. С.П. Глинкина. Москва: Институт экономики РАН. С. 60–84.
- Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты (2012) / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.; СПб.: Нестор-История.
- Постсоциалистический мир: итоги трансформации (2017) / под общей редакцией С.П. Глинкиной. В 3 т. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н. В. Куликова. СПб.: Алетейя.
- Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2014–2015 гг. (2016) / Отв. ред. Орлик И.И. М.: Институт экономики РАН.
- Clift B., Woll C. (2012) Economic patriotism: reinventing control over open markets // *Journal of European Public Policy*, Vol. 19. No. 3. Pp. 307–323.
- Crouch C. (2008) ‘Economic patriotism and the paradox of neo-liberal democracy’. Paper presented at the first Economic Patriotism workshop, Warwick Univ., 13–14 February.

- Economic Nationalism in a Globalizing World (2005) Ithaca (NY): Cornell Univ. Press.
- Goff P. M. (2005) It's got to be sheep's milk or nothing! Geography, identity and economic nationalism. *Economic nationalism in a globalizing World*.
- Naczyk M. (2014) Budapest in Warsaw: Central European Business Elites and the Rise of Economic Patriotism since the Crisis. Paris: Sciences Po – Centre d'études européennes.
- The Politics of Regulation: Institutions and Regulatory Reforms for the Age of Governance (2004) (eds. by J. Jordana and D. Levi-Faur. Cheltenham: Edward Elgar.
- Rahman J., Zhao T. (2013) Export Performance in Europe: What Do We Know from Supply Links? IMF Working Paper. WP/13/62. March. Pp. 6–7.
- Stratégiai partnerségi megállapodások (2018) KKM.03.30
- Szanyi M. (2016) The emergence of patronage state in Central Europe. The case of FDI-related policies in Hungary. Working Paper, August. Centre for Economic and Regional Studies of the Hungarian Academy of Sciences – Institute of World Economics.
- Vogel D. (1995) Trading Up: Consumer and Environmental Regulation in a Global Economy. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Economic patriotism: the concept, the prerequisites for the emergence in Central and Eastern Europe (the practice of Hungary)

S. GLINKINA*

*Glinkina Svetlana – Doctor of Economics, Professor, Head of the International Economic and Political Studies Department of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of General Economic Theory, Moscow M.V. Lomonosov State University. Address: Moscow 117418, Nakhimovsky prospect, 32. E-mail: 319@transecon.ru

Abstract

The article discusses the state's growing role in the country's economic system during and after the global financial and economic crisis. The theoretical bases of “economic patriotism”, the prerequisites for the formation of this phenomenon in the post socialist countries of Central and Eastern Europe and the effectiveness of these tools are shown on the example of the new economic policy in Hungary.

Keywords: economic patriotism, state interventionism, the paradox of neo-liberal democracy, transformational reforms, the European Union, the new economic policy in Hungary.

REFERENCES

- Clift B., Woll C. (2012) Economic patriotism: reinventing control over open markets. *Journal of European Public Policy*, vol. 19, no. 3, pp. 307–323.
- Crouch C. (2008) *'Economic patriotism and the paradox of neo-liberal democracy'*. Paper presented at the first Economic Patriotism workshop, Warwick Univ., 13–14 February.
- Economic Nationalism in a Globalizing World* (2005) Ithaca (NY): Cornell Univ. Press.
- Glinkina S. (2017) Postsotsialisticheskiye transformatsii v svete diskussiy o mnogoobrazii modeley kapitalizma [Post-Socialist transformations: discussing the variety of models of capitalism]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 5–20.
- Glinkina S., Kulikova N. (2015) K voprosu ob effektivnosti transformatsii obshchestvennoy sistemy v stranakh Tsentral'no-Vostochnoy Evropy [On the issue of the effectiveness of the transformation of the social system in the countries of Central and Eastern Europe]. *Mir peremen*, no. 4, pp. 9–24.
- Glinkina S., Kulikova N. (2017) Kakoy kapitalizm razvivayetsya v stranakh Tsentral'no-Vostochnoy Evropy [What kind of capitalism is developing in the countries of Central and Eastern Europe]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 6, pp. 79–94.

Glinkina S., Kulikova N., Sinitsina I. (2014) *Strany Tsentral'no-Vostochnoy Evropy: evrointegratsiya i ekonomicheskiy rost* [The countries of Central and Eastern Europe: European integration and economic growth]. Moscow: IE RAN.

Goff P.M. (2005) It's got to be sheep's milk or nothing! Geography, identity and economic nationalism. *Economic nationalism in a globalizing World*.

Klinova M.V. (2008) Noviy "ekhnomiccheskiy patriotizm" v Evrope: horosho zabytoe staroe? [New "economic patriotism" in Europe: a well-forgotten old?]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 32–41.

Kornai Ya. (2006) Velikaya transformatsiya Central'no-Vostochnoy Evropy: uspekhi i razocharovaniya [The Great Transformation of Central-Eastern Europe: Successes and Disappointments]. *Mir peremer*, no. 2, pp. 7–45.

Kulikova N. (2014^a) Rol' pryamyh inostrannyh investitsiy v modernizatsii ehkonomiki stran CVE – chlenov ES [The role of foreign direct investment in modernizing the economies of the EU member countries of CEE]. *Urbi et orbi v 4 t. T. 3. Rossiya v global'nom mire* [Urbi et orbi in 4 v. Vol. 3. Russia in a global world] (otv. red. S.P. Glinkina). St. Petersburg: Aleteiya.

Kulikova N.V. (2014^b) Social'no-ekhnomiccheskie ehffekty integratsii stran CVE v Evropeyskiy soyuz [Socio-economic effects of integration of the CEE countries in the European Union]. *Evrointegratsiya: vliyaniye na ehkonomicheskoe razvitiye Central'noy i Vostochnoy Evropy* [Eurointegration: the impact on the economic development of Central and Eastern Europe]. Pod red. A.I. Bazhana. Moscow: Institut Evropy RAN.

Kulikova N., Sinicina I. (2015) Nacional'nye i nadnacional'nye kompetentsii v processe rasshireniya Evropeyskogo soyuza na vostok [National and supranational competencies in the process of expanding the European Union to the east] *Opyt nadnacional'nogo regulirovaniya v regional'nykh integratsionnykh gruppировках* [Experience of supranational regulation in regional integration groups]. Otv. red. S.P. Glinkina. Moscow: IE RAN, pp. 60–84.

Modernizatsiya v stranah rossiyskogo poyasa sosledstva: strukturniy i tekhnologicheskii aspekty (2012) [Modernization in the countries of the Russian neighborhood zone: structural and technological aspects]. Otv. red. S.P. Glinkina. Moscow; St.Petersburg: Nestor-Istoriya.

Naczyk M. (2014) *Budapest in Warsaw: Central European Business Elites and the Rise of Economic Patriotism since the Crisis*. Paris: Sciences Po Paris – Centre d'études européennes.

The Politics of Regulation: Institutions and Regulatory Reforms for the Age of Governance (2004) Ed. by J. Jordana and D. Levi-Faur. Cheltenham: Edward Elgar.

Postsocialisticheskiy mir: itogi transformatsii (2017) pod obshchey redaktsiey S. Glinkinoy. V 3 t. T. 1 [Post-socialist world: the results of the transformation. In 3 v. Vol. 1]. St. Petersburg: Aleteya.

Rahman J., Zhao T. (2013) *Export Performance in Europe: What Do We Know from Supply Links?* IMF Working Paper. WP/13/62. March, pp. 6–7.

Rossiia i Central'no-Vostochnaya Evropa: vzaimootnosheniya v 2014–2015 gg. (2016) [Russia and Central-Eastern Europe: Relations in 2014-2015]. Otv. red. I.I. Orlik. Moscow: IE RAN.

Stratégiai partnerségi megállapodások (2018) KKM.03.30.

Szanyi M. (2016) The emergence of patronage state in Central Europe. *The case of FDI-related policies in Hungary. Working Paper*, August. Centre for Economic and Regional Studies of the Hungarian Academy of Sciences – Institute of World Economics.

Vogel D. (1995) *Trading Up: Consumer and Environmental Regulation in a Global Economy*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Volotov O., Volotov S. (2015) Chlenstvo Vengrii v Yevrosoyuze: utrachennyye illyuzii [Hungary's membership in the European Union: lost illusions]. *Rossiia i sovremenniy mir*, no. 4 (89), pp. 128–133.